

18+

НЕБЖЕВЫЕ ПОТЕРИ

СЕРГЕЙ Н. КУПРИЯНОВ

Сергей Куприянов

Небоевые потери

«Издательские решения»

Куприянов С. Н.

Небоевые потери / С. Н. Куприянов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512910-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. История Володи Тонкова, в общем, типичная для «лихих 90-х». Первая чеченская. Даже не успев повоевать, он попадает в плен, где знакомится и влюбляется в глухонемую девушку Айну. Долгая дорога домой на Дальний Восток становится для него не меньшим испытанием — школой жизни. Его глазами мы видим, как стана погружается в хаос и бездну, как бандиты, проститутки, дельцы становятся «хозяевами жизни», как в мирное время растет число «небоевых потерь». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-512910-9

© Куприянов С. Н.
© Издательские решения

Содержание

Война	6
Плен	11
Айна	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Небоевые потери

Сергей Николаевич Куприянов

Ты шёл неспеша, возвращаясь с войны

Со сладким чувством победы, с горьким чувством вины.

(«Чайф», «С войны»)

© Сергей Николаевич Куприянов, 2020

ISBN 978-5-0051-2910-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Война

– Ну всё, поехали! – крикнул завсклада Василий Николаевич, – Не убивайся, мать, чай, не на войну едет, в армию!

Вовка удобней подмостил под собой вещмешок. «Газон» дёрнулся, затрясся, нехотя тронулся.

«Сцепление так и не сделал», – хмыкнул он про себя.

Мать осталась на обочине, подняла руку, чтобы перекрестить. Вовка смутился.

– Ладно, мам, иди домой. Напишу, как приеду, – он дополнил сказанное, жестом глухонемых, коротким и лаконичным.

С самого детства он знал этот язык, язык своей матери, из-за которого его дразнили, над которым смеялись. Но который был понятен им обоим.

Он изредка поднимал голову, глядя на удаляющуюся фигуру матери, пока грузовик не свернул на главную. Когда она скрылась, достал из кармана пачку «Примы», закурил. Не любил курить при матери. Не по себе как—то.

Вот и мост. Проехали указатель «Липовцы», с перечеркнутым названием, как перечеркнутой его гражданской, прошлой жизнью. И так «засиделся». Одногодки уже из армии пришли, а он только собрался. Конечно, можно было бы попросить, похлопотать. Начальник автобазы, где Вовка работал сразу после школы, его ценил, мог и отмазать, но сам проситься не стал, да и матери сказал, чтоб не ходила.

До Уссурийска чуть больше часа дороги. Вовка перелез ближе к будке, там трясло меньше. Попытался уснуть. Как ни хотел казаться спокойным и уверенным перед матерью, тревога перед неизвестностью крутила внутри до тошноты. Он только закрывал глаза, но одна и та же картина всё время прокручивалась, как заевшая пластинка: мать на обочине, через мгновение скрывается за поворотом.

Очнулся от постороннего шума. Сам не заметил, как провалился в сон. Посмотрел – Уссурийск. Сердце забило, предчувствуя скорый конец поездки. Грузовик остановился.

– Эй! Воин! – Василий Николаевич выглядывал над бортом, встав на цыпочки, – Приехали, Володька! Ты тут пешком дойдешь, а то у меня дел до вечера.

Вовка спрыгнул с кузова.

– Спасибо, Николаич!

– Да что там... Ты там, давай..., – крепко пожал он руку, хлопнул по плечу, – служи. Себя в обиду не давай и других не обижай... В общем... Мужик без армии, что пиво безалкогольное – ни крепости, ни вкуса. Так... вода...

Василий Николаевич ещё раз хлопнул Вовку по плечу.

В «учебку» Вовка попал недалеко от дома, в Князе—Волконское под Хабаровском. Радовался, что в родных местах. Да и служба оказалась не такой страшной, как рассказывали. Земляков много. Об одном Вовка жалел, что не послушался мать, когда та внушала ему, чтобы на шофёра выучился: «Работаешь на автобазе, гайки крутишь, а был бы шофёром и деньги другие и не в мазуте». Как казалось Вовке, водителей не так гоняли в «учебке». Те, всё больше с техникой, а технику он любил. Хлебом не корми, дай чего—нибудь разобрать.

Написал два письма. На одно ответ пришел, а вместо второго мать приехала уже на прыгу. Смотрела на него с какой-то жалостью, будто чувствовала что—то. Вовка от этого смущался, злился, не подозревая, что видятся они в последний раз.

Со середины декабря девяносто четвертого Вовка впервые услышал слово «Чечня». То в разговорах, то по телевизору – «Чечня», «Чечня». Слово какое-то было... ругательное, грязное. Он помнил из литературы про черкесов, Казбича, но так давно и далеко это было. Неко-

торых сержантов, говорили, послали в командировку. Замполит рассказывал, что там беспорядки, хотели отделиться. Вовка слушал и не понимал, что в том плохого – Россия-то, вона какая, что с той Чечни... и пусть отделяются. Меньше всяких чурок будет.

Однажды смотрели в расположении телевизор, а там Ельцин выступал и показывал, как за каждым боевиком наш снайпер наблюдает и если что сразу уничтожит. Солдаты загудели после этого, что, мол, за бред несёт? А Вовка поверил. Ну что там той Чечни? А Россия—то... ого—го! Что салабоны? Президент знает, что говорит.

После Нового года о Чечне Вовка стал слышать постоянно. Говорили, что даже из их полка погиб какой-то ротный. Не понимал он, как такую крошечную Чечню, не могли победить сразу за неделю, пусть за месяц. В слухи о больших потерях в Грозном в новогоднюю ночь Вовка не верил, думал трёп. Как не верил и в страшных непобедимых чеченцев, отрезающих головы у живых солдат. Всё это ему напоминало детские страшилки о чёрных комнатах, руках, гробах, страшных докторов выкачивающих всю кровь. Не верил. Думал, специально эти слухи разносят, чтобы морально как—то подготовить. Однажды, даже в курилке с пацанами завелись. Из третьей роты один всё пугал. С воодушевлением, так, рассказывал. У него родичи какие—то на Кавказе. Пацаны слушали, слушали, а Вовка возьми да и ляпни:

– Ты сам—то не обосрался от таких рассказов?

Пацаны засмеялись, а этот начал на Вовку буром переть:

– Слышь, воин! Это ты тут такой храбрый. Страшнее, чем ноги, натертые кирзачами, не видел. Посмотрел бы на тебя, когда к твоему горлу «чехи» тесак приставят...

Потолкались, на том и разошлись.

Служба складывалась нормально, появились друзья. Вовка мечтал, чтобы через месяц, другой перевестись в рембат – там родная стихия, да и служба спокойней.

Подходило 23 февраля. Мать написала, что приедет и что заходила Таня, тоже хочет приехать. Матери он был бы рад, а вот Татьяна... Дружили они ещё со школы – Вовка, Таня и Олег. С Олегом вообще с детства вместе. Выросли, повзрослели, школу закончили. Олег симпатичный был, вот Татьяна ему и отдала предпочтение. Вовка переживал сильно. Любил? Может быть и да. Но больше считал это предательством. Потом Олега забрали в армию. Она его ждала. Он вернулся совершенно другим, чужим. Потом уехал в Москву и пропал. Нет, не бесследно, живет, наверное, там где—то. А Вовка злорадствовал. Мать его за это корила, что, мол, молодым только и ошибаться. А девчонка она хорошая, путная, с кем не бывает. Но, видно, глубокая была рана, долго заживала.

На построении было как—то не обычно. Долго стояли. Незнакомые офицеры переговаривались с комбатом, разглядывали какие-то списки. Вовка стоял рядом с Лёшкой Гориком, толкались, чтоб согреться.

– Что они там резину тянут? – Вовка нетерпеливо топтался на месте, пытаясь размять застывшие ноги.

– Это они в Чечню пополнение набирают, – с усмешкой сказал Лёшка.

– Испугал ежа... – не успел договорить Вовка.

– Батальон! Смирно! – скомандовал комбат, громко, не надрываясь.

Ропот стих. Вовка вытянулся, подумал: «Наконец-то».

– Фамилии, которые назову, три шага вперед! Антипов, Антоненко...

Вовке кто—то положил руку на плечо, что бы выйти из строя. Он вздрогнул от неожиданности, замешкался:

– Тонкий, не тормози! – раздался голос сзади.

Он неловко отшатнулся.

– ... Токменёв... Тонков...

Вовка вздрогнул, непонимающе посмотрел на Лёшку, вывалился из строя на непослушных, замерзших ногах. Сердце тревожно сжалось.

– Вышедшие из строя, в две шеренги становись! – командовал комбат.

Солдаты перестроились.

– На пра—у! Правое плечо вперед! Шагом... марш!

Колона тронулась. Вовка искоса заметил, как комбат жмёт руки незнакомым офицерам. Встретился взглядом с Лёшкой. Тревоги не заметил, только непонимание. Тот стоял и только растерянно хлопал глазами.

В начале марта девяносто пятого «приговоренных», как шутили сами, попавшие в Чечню, «бортом» доставили в Ростов. Там неделю отсыпались, формировали отряды и поотрядно отправляли уже по подразделениям на территорию Чечни.

Вовка понимал, что его сюда привезли не бока отлеживать. Каждый день ожидания, как накинутая петля всё туже сжимала горло. Было ли это страхом? Было. Но это был страх не смерти, а неизвестности и невозможности хоть как—то повлиять на происходящее. Огромный водоворот войны втягивал всех – и не желающих воевать и, наоборот, ищущих своего героического участия. Все рассказы побывавших «там» он уже слушал, впитывая каждое слово, боясь пропустить что—то важное. Уже не сомневался, не отмахивался – верил. Верил всему, что говорили, о чём рассказывали. Это были живые свидетели, стрелявшие сами и получавшие в ответ. Они видели смерть так же близко, как видит их Вовка. От будничного, безо всякого пафоса рассказа, становилось как-то моторошно и тошнотворно. Колело где-то в заднице, при каждом упоминании об оторванных конечностях или раздробленных костях. Самое противное, что подтвердились те страшилки про отрезанные головы, про которые рассказывали в «учебке». Вовка не мог понять, зачем было отрезать голову, если есть автомат. Почему нельзя просто убить своего врага, но ещё и отрезать голову, вымазаться в крови? Это было каким—то непостижимым, что вселяло ещё больший мистический ужас предстоящей службы.

Батальон 245 полка, куда прибыл Вовка с пополнением, стоял в нескольких километрах от Шали. Стояли в поле насквозь пропитанное влагой. Колеса и гусеницы техники превратили его в грязное месиво, в котором засасывало сапоги и, с чавканьем какого-то неведомого зверя, нехотя отпускало, будто игралось, ожидая следующий шаг. В воздухе висела водяная взвесь, пропитанная соляной гарью от машин и БТР-ов. Промокло все. Ватный бушлат напитался влагой и висел на плечах тяжелым мешком. Сушились возле выхлопа, от чего вся одежда, лицо покрывалась черной копотью. Костры разводить было запрещено.

В короткие перерывы, когда Вовка разматывал промокшие портянки, задумчиво вспоминал тёплую и сухую казарму в «учебке». И весь тот уклад, к которому уже почти привык, сейчас казался непостижимой роскошью.

После взятия Шали в конце февраля – начале марта, батальон «зализывал раны»: чинили технику, оружие, отправляли раненых. Убитых Вовка не видел, а вот нескольких легкораненых – да. Их отправляли «Уралом» в штаб группировки, а там вертушкой на «большую землю». Он вглядывался в их лица, пытаясь то ли кого—то узнать, то ли запомнить выражения их лиц, скорее счастливых, чем печальных. Была даже лёгкая зависть – домой поедут.

– Чо застыл, зёма? – Вовку окликнул водитель «Урала», которому он помогал ремонтировать, – Не ссы, страшно только первые пятнадцать минут, потом привыкаешь.

– А ты давно тут? – Вовка протянул ключ.

– Да, почти сначала.

– А дембель когда?

– Дембель? Хм! – водитель хмыкнул, будто Вовка спросил глупость, – Когда вперед ногами вынесут или вон, как этих... отправят. Ты тут не о дембеле думай, а как выжить. Каждый день думай. День прошел – хвала Аллаху!

– А ты что, мусульманин?

– Хм, нет. Но наш боженька тут как—то не ловит, – с прищуром посмотрел он на небо, – молись, не молись.

«На войне, как на войне», – успокаивал себя Вовка, когда вспоминал дом или, когда нака- тывала жуткая тоска. Немного раззнакомившись, он узнал, что в конце февраля, освобождая Шали, рота, в которую он попал, понесла первые боевые потери. Ротный прибыл новый, на две недели раньше Вовки. Пацаны говорили, пытался поначалу устроить казарменный порядок – да куда там... «Деды» особо не докучали, все занимались своим делом. Только один Ерохин, «замок», как—то все подначивал, пытался себя героем показать, дескать, боевой опыт, а он – «салабон», пороха не нюхал. Вовка как—то сразу на него попал. Внешне невзрачный – рыжий, мелкий. Такому в пору самому помалкивать, а вот поди. В любом споре знаток, в любой ком- пании – свой. Новенький бушлат пришлось сменить на ерохинский, худой и грязный. Обидней всего было то, что он почти земляк, из Уссурийска, а Вовку за что—то невзлюбил. Единствен- ное утешало, что служить ему было до мая.

Сменившись на посту и наскоро поужинав холодной перловкой, Вовка снял ненавист- ный бушлат, размотал промокшие портянки и пробрался подальше в кузов «Урала» поспать. Вывернул шапку наизнанку и подsunул её под голову. Немного покрутился и, настраивая себя на сон, стал представлять себе лето, звон жаворонка и себя, такого беззаботного, счастливого, развалившегося на траве, щурясь, смотрящего ввысь огромного голубого купола...

– Тонкий, Тонкий, – тормозит Вовку Бобров из первого взвода, – там Ероха тебя зовет.

– Что? – Вовка нехотя приподнялся, – Я же в карауле...

– Не знаю, сказал тебя позвать.

Вовка неспеша намотал портянки, накинул бушлат, потянулся за автоматом.

– Да оставь ты его, – заторопил Бобров.

Человек шесть сидели в БМП, уже разгоряченные и хорошо поддаые. О чём-то спорили. Вовка, согнувшись, влез внутрь. Стихли, как увидели его, следом пробрался Бобров.

– А, вот ты... – Ерохин сделал непонятный жест руками, – Слушай боевую задачу, боец. «Дедушкам» нужно принести «горючки» в честь моего дня рождения...

– Ероха, я же в наряде, мне через полтора часа заступать...

– Я не понял, боец?! Буреём? Товарищ Гвардии сержант! Можно Анатолий Васильевич...

Как понял?!

– Так точно, – потупил взгляд Вовка.

– Толян, да куда ты его посылаешь, ещё спалится, замполиту сдаст, – вклинился в разго- вор Биденко, – пусть идет. Иди «Тонкий», иди...

Ерохина это задело.

– Слышь, кто из нас старший?!

– Да, ладно, ну, Ерох, чо ты к пацану—то..., – попытался вставить Бобров, – Он тут недавно, ещё не знает, что где...

– Бобер! Вот ты и покажи! Всё, время пошло!

Вовка с Бобровым вылезли из БМП. Спорить с пьяным Ерохиным желания не было.

– А где мы ему сейчас водку найдем? – растерянно спросил Вовка.

– Да, ладно. Не ссы, тут на окраине точка есть, километра четыре. Если быстро пойдем, ещё успеешь поспать.

– А «чехи»?

– Какие «чехи»? Ладно тебе... Мы их так шуганули, они в горах, раны зализывают, – успокоил Бобров.

Шли, переговаривались. Бобров рассказывал, как был в бою. Приврал, конечно, но гово- рил красиво, ярко. Он, хоть и был с Вовкой одного призыва, а в Чечню попал на месяц раньше и перед Тонковым чувствовал себя уже бывалым воякой. Сам он был из Нижнего, крупнее

Вовки. Из—за маленького курносого носа, маленьких пухлых губ и заметного румянца на пухлых щеках, Бобёр выглядел таким гигантским пупсом.

Вовка почувствовал, как пекут ноги от плохо намотанных портянок.

– Слышь, Сань?! Постой, я портянки перемотаю! – он остановился и, стоя на одной ноге, снял сапог.

Бобров прошел чуть вперед. Вовка услышал, как впереди будто кто—то вскрикнул. Он тревожно всмотрелся в темноту.

– Сань?! Бобёр?! Что ты там?! Э—эй!

Внутри похолодело.

«Где взялся этот Ероха», – промелькнуло в голове у Вовки. В следующую секунду сильный удар в затылок сбил Тонкова с ног.

Плен

Очнулся Вовка от тряски. Руки были связаны, а на голову накинута какой-то мешок. Его везли на машине. По звуку распознал 66-ой «газон». Руки затекли, видно долго был без сознания. Тошнило. Он попытался пошевелиться и тут же получил удар в живот.

– Э! Русский, собака, замри, а то башку отрежу! – кавказский акцент развеял все Вовкины догадки относительно его положения.

«Чеченцы», – тяжелой печатью стукнуло в его голове, – «А где же Саня? Может, убили?»

Машина остановилась. Громко переговаривались на незнакомом языке. Один голос показался более требовательным. Вовка услышал, как открыли борт машины. С головы сорвали мешок. От яркого солнца потемнело в глазах. Был день.

– Иди сюда! – скомандовал, коренастый невысокого роста бородастый чеченец, владелец «требовательного» голоса.

Вовка спрыгнул, потерял равновесие и свалился на бок почти под ноги этому борода-тому. Тот пнул Вовку ногой. Тонков поднялся, осмотрелся. Вокруг были какие-то постройки, за ними возвышались сизые горы. Невдалеке на корточках со связанными руками сидели трое наших пацанов. Среди них Санька Бобров, живой.

«Слава Богу!», – Вовка глотнул слюну.

– Откуда? Кто такой? – «Требовательному» дали Вовкину солдатскую книжку.

– Из Уссурийска, Тонков Владимир, – еле слышно ответил он.

– А здесь что забыл?

– Призвали, – потупил взгляд Вовка.

Кто-то из чеченцев окликнул «Требовательного». Вовке показалось, что того назвали Ахметом. Он ответил, потом посмотрел на Вовку, выругался и куда-то ушел. Тонкова за шиворот потащили к группе наших пацанов. Больно ударили по ноге, чтобы, тот сел. Руки не развязывали, переговариваться не давали. Вовка взглядом спросил Боброва: «Ну как?». Тот скривился, показывая, что хреново.

Потом их повели на окраину села и сказали копать яму. Там уже работали ещё двое наших. Приходилось больше выковыривать камни, чем копать. Через какое-то время сделали перерыв, сидели в вырытой яме, переговаривались. Тут Вовка и узнал, что попали в плен к Ахмету, к какому-то мелкому полевому командиру и находятся под Шатоем, в горах. История пленения была у всех разной, в основном, по собственной глупости или беспечности. Его тезка, Володя из Твери был тут уже месяц. На вид казался намного старше, худой и измученный, с потемневшим лицом и редкими зубами. Говорил он нехотя, будто стеснялся своего положения. Взгляд отводил, видимо, боялся, что в нём увидят страх, безысходность и унижение.

Начало темнеть. Охранники крикнули, чтобы выбирались из ямы. Вовка не заметил, как все куда-то делись, они остались вдвоем с Бобровым. Их повели по дороге в село. Пахло хлебом. Только сейчас Вовка заметил, как он проголодался. После прошедших событий, его большей частью тошнило и о еде не думал.

Их привели в какой-то двор, с крыльца дома на них смотрел немолодой мужчина с седой короткой бородой в небольшой серой папахе. Он крикнул охранникам и те повели пленников в небольшой каменный сарай. Когда дверь захлопнулась, Вовка с Бобровым облегченно вздохнули. Теперь можно было обсудить их положение.

– Да, сходили за водкой... Ты ещё говорил, шуганули, раны зализывают...

– Суки, ненавижу, – Боброва трясло от холода.

– А где твой бушлат? Чего ты в одном хэбэ?

– Да..., ладно... эти забрали, – он кивнул в сторону двери.

Вовка впервые был благодарен Ерохину, что поменялся с ним бушлатами. Он снял его и протянул Боброву:

– На, погрейся.

– Спасибо, трусит всего...

Они в темноте исследовали сарай. Ничего кроме сена и какого-то тряпья в углу сарая не нашли. Так на нем и улеглись.

– Что теперь? – Вовка почувствовал, как тепло, оставшееся после ватника, быстро улечивается. Съёжился, – Думаешь, нас кто—то найдёт?

– Вряд ли. Мы теперь для наших – боевые потери.

– В смысле?

– Да какие смыслы?!... Дезертиры мы! Мать их! Теперь даже, если освободят, могут в тюрьму посадить.

– Это ещё почему? – Вовка приподнялся на руке, возмущенный такой перспективой.

– Дурак ты, Тонкий. Ладно я, а ты вообще самовольно покинул пост, чо не понятно?! Послал бы Ероху... Чо ты его, бздел? Блин! Да, ладно...

– А сам?

– Я... я Ерохе обязан. Он меня в бою... Короче, не мог я ему отказать, – Бобров съёжился. Вовке передавалась мелкая дрожь.

– Чего ты? Не согрелся? Дрожишь весь, – он прикоснулся тыльной ладонью ко лбу Боброва, – Да ты горюшь весь, у тебя температура...

– Да, ладно, сейчас доктора вызовем, – саркастически заметил Бобров.

Вовка лег на спину, обдумывая сказанное Бобровым о дезертирах. Как глупо и нелепо вышло.

Под дверью что-то зашуршало. Вовка напрягся. Шум утих, только послышались чьи—то легкие удаляющиеся шаги. Он подошел к двери. Под ней лежал сверток, завернутый в светлую тряпку. Вовка нагнулся, развернул. Это был кусок лепёшки.

– Сань! Тут нам пожрать принесли! – он подошел к Боброву и протягивая кусок. Они с жадностью проглотили лепёшку.

Всю ночь почти не спали, было холодно. Вовка уже не стал забирать свой бушлат, думал, что Боброву ещё хуже. Утром дверь открыли и вошли два вооружённых человека славянской внешности. Вовка встал и уставился на вошедших, не понимая, кто они такие и как они тут оказались. Бобров продолжал лежать, согнувшись в три погибели.

– Прокыдайся, москалык!

Один из вошедших ударил его ногой. Бобров простонал и попытался подняться.

– Да, что вы, мужики! Большой он! Пусть отлежится! – попытался защитить Вовка Боброва, – Вы что, из Украины? – удивлённо уставился он на парней.

Парень поменьше ткнул его в живот прикладом. Тонков согнулся, не столько от боли, сколько от неожиданности.

– Нэ твое, падла, свиняче дило! Пишов!

Его схватили за шиворот и вытолкали из сарая. Боброва вытащили следом. Возле сарая стоял Ахмет с несколькими боевиками.

– Ахмет, тут москалю погано, можэ швыдку выклькать?

Боевики захохотали.

– Сейчас лечить будем, раздевайся!

Бобров опасливо посмотрел на Ахмета. Принесли два ведра воды.

– Давай, давай, москаль! – подгонял один из украинцев.

Бобров разделся, его окатили из ведер ледяной водой. Он весь сжался, простонал.

– А теперь, беги! – Ахмет перезарядил автомат, – Вперёд! По кругу!

Бобров неспеша побрёл, испуганно озираясь.

– Быстрее! – Ахмет выстрелил в воздух.

Бобров пригнулся, упал на колени, боевики громко захохотали. Тот поднялся и побежал дальше по кругу. Во дворе на том же месте, где и вчера, появился пожилой мужчина с седой бородой. Из двери дома выглянула девочка лет четырнадцати. Ахмет заметил её, громко крикнул по-чеченски и махнул рукой. Она скрылась. Голый Бобров сделал несколько кругов вокруг боевиков и остановился, тяжело дыша.

После «лечения» их опять привели к той же яме. Там уже работали вчерашние пленники. Вовка поздоровался с ними, спрыгнул в яму. Он узнал, что держат их в подвале в другом дворе. Двое пытались бежать, но из деревни есть только один выход и там, у боевиков, пост. Поймали, сильно били. В горы идти – верная смерть. Новость мгновенно разрушила Вовкины мысли о побеге. Ворочая камни, он думал о тех парнях из Украины. Как они тут оказались и почему воюют на стороне чеченцев? Он никогда не был на Украине, но всё, что знал о ней, почему—то связывалось с теплом, щедростью и гостеприимством. И поэтому их появление никак не умещалось в Вовкиной голове, не сочеталось с устоявшимся представлением.

Обедали кукурузной кашей. Жадно черпая руками из ведра, пленники опасались, что это будет их последняя пища на сегодня и старались наесться досыта. Боброву стало немного легче, но ел он вяло и понемногу.

Вечером их опять заперли в сарае. Так прошло около недели. Днём солнце пригревало и когда работали, становилось жарко. Ночью – тряслись от холода, меняясь друг с другом бушлатом. Каждый вечер, примерно в одно и то же время, к двери сарая кто—то подкрадывался и просовывал под дверь или кусок лепёшки или, застывшую словно подошва—«манка», кусок круто сваренной кукурузной каши, а так же пару раз бутылку козьего молока. Через какое—то время Вовка, сам того не желая, будто дрессированный пёс занимал позицию у двери и ждал, когда под дверь просунут их «ужин». Однажды он даже попытался заговорить, с тем, кто был снаружи, но никто так ничего и не ответил. Было ли это чьё—то великодушие и жалость к их положению или это была воля Ахмета, кому—то поручившему кормить пленников, Тонков не знал, хотя и не верил в благородство их тюремщика. Бобров этими рассуждениями пренебрегал, принимал, как должное и считал, что для двоих пайка слишком мала.

Как—то утром Вовка заметил во дворе пожилую женщину, хлопотающую по хозяйству и что-то назидательно говорившую девочке. Когда Вовка задержал на них взгляд, женщина заметила это, что—то сказала ей и девочка быстро скрылась в доме.

Бобров оказался прав. Пропажу двух бойцов списали, как дезертирство – боевые потери. Дела передали в военную прокуратуру. Никто из «отмечавших» не признался, как было дело. Ерохин вскоре демобилизовался и уехал на родину.

Вскоре Вовку и Боброва заставили написать письма домой с просьбой выкупить их. Вовка писал, вспоминая мать, понимая, какую боль оно ей причинит. Он знал, что денег она не найдет, а будет страдать от безысходности и бессилия чем—то помочь. Вечером, сидя в сарае Вовка спросил:

– Сань! Ты думаешь, дойдут письма? Хотя, что толку. По мне, лучше б не дошли.

– Чего? Дойдут. Да, ладно, деньги не малые, десять штук... папаня должен найти. Поскорей бы, – Бобров мечтательно задумался.

Вовка взглянул на него и угрюмо отвернулся.

– А моя, нет... и продать нечего и занять негде.

– Бати нет?

– Не—а, – Вовка опустил голову.

И в этой скорбной позе было столько отчаяния, что Боброву стало неловко за, вроде бы, свое лучшее будущее.

– Да ладно ты, брось. Дай только выбраться отсюда, я весь Нижний на уши поставлю. У меня пацаны есть, деловые, помогут, не дрефь, – он слегка ударил в плечо Вовку.

Лето в горы шло не торопясь, медленно поднималось, останавливаясь, чтобы отдышаться. Так же медленно тянулись дни. Если вначале было чувство случайного недоразумения, что скоро их освободят или отпустят, то потом появилось тупое безразличие. Без всяких шансов на надежду. Одним утром похоронили Вовкиного тезку. Он повесился. Видимо понял, что, как работник интереса для боевиков не представлял, а выкупать его было некому.

Через некоторое время из пленников осталось трое. Олег из Челябинска, который был вместе с ними, сказал, что куда—то увезли. Выкупили? Перепродали? Вовка не знал.

Ахмет почти не появлялся. Однажды за Вовкой с Бобровым никто не пришел. Слышали далекую стрельбу. Внутри появилась какая—то радость: «Вдруг! Наши!». Но потом всё стихло. При каждом незначительном шуме звуки казались похожими то на русскую речь, то на звук двигателя какой—нибудь бронетехники, то на команды какого—то командира. Но они были только в воображении.

Рано утром дверь сарая отворилась, на пороге появился тот седобородый мужик. Вовка переглянулся с Бобровым. Зачем—то поздоровался, машинально и глупо. Тот ничего не ответил, только показал рукой, чтобы шли за ним. Он привел их к яме, которую они рыли. Она была уже перекрыта бревнами.

– Засыпайте сверху, – распорядился он, – сначала глиной, потом камнями.

Мужчина повернулся к ним спиной. Бобров бегло взглянул на Вовку, присел и взял камень. Хотел ли он ударить мужика, Тонков не знал, только толкнул Боброва. Тот свалился на руку, выругался. Седобородый резко оглянулся. Буквально врезался глазами в Боброва.

– Осторожно! – Тонков протянул Боброву руку.

– Да пошел ты! – прошипел Бобров. Встал, отряхнулся.

Мужик недоверчиво посмотрел на Вовку и пошел прочь. Они остались одни. Долго стояли, не понимая, что дальше делать, работать, бежать? Оцепенение, как если бы после громкого продолжительного шума резко воцарилась полная тишина. Сознание ещё не понимало, что их никто не держит.

– Какого ты меня толкнул? – возмутился Бобров.

– Зачем тебе этот грех брать на душу. Вон, никого нет, беги куда хочешь.

– Тоже мне, святоша, блин...

Они постояли еще некоторое время, смотрели во все стороны, опасаясь, что за ними наблюдают и специально проверяют, убегут или нет. Вовка повертел головой и сел, где стоял, на камни, обессилив от постоянной тревоги и страха.

– Ты чо сел?! Давай, вставай, рвем отсюда, Тонкий!

– Куда?

– Да, ладно, «Тонкий», опупел, что ли?!

– А поймают?

– Тогда и думать будешь. Зассал, что ли?!

Тонков поднялся и стал засыпать бревна глиной.

– Тонкий, ты меня слышишь?! – Бобров схватил Вовку за рукав и всматривался в его глаза.

– Сань, ты сам, если хочешь – беги. Я думаю, что мужик не зря нас оставил одних. Да и сарай не такой, из которого нельзя сбежать. В лучшем случае вернёшься сюда же. А в худшем – по дороге шлёпнут.

– Да ладно, умный! – Бобров задумчиво оглянулся по сторонам.

Немного постояв и не сумев побороть сомнения, стал тоже бросать глину.

Скоро бревна скрылись, а когда засыпали камнями, можно было вообще не различить, что тут вырыта землянка.

– Ну и что дальше? Самим возвращаться? – Бобров сидел на камне и швырял в раздумьях мелкие камешки.

– Подождем...

Вовке вдруг почудилось, что откуда—то издалека, чуть слышно донёсся звук БМП. Он насторожился.

– Что ждать?

– Тихо! – оборвал он Боброва, – Слышишь?!

Бобров встал и повернулся лицом в сторону, откуда доносился шум.

– БМП! Да, ладно... Тонкий! БМП! Точно! Не одна, колонна! Наши! Бежим!

Радостный и одухотворённый вид Боброва отбросил Вовкины сомнения о побеге. Наши! Они были не далее двух— трёх километров. И всё! Конец их мучениям! Конец их плену! Прав был Бобёр, прав! И если бы не его нерешительность, были бы уже у своих.

Бобров побежал первым. Вовка, задержался, словно уговаривал свои ноги не желавшие бежать и сомневающиеся в успехе. Но вскоре побежал следом. Откуда-то появились боевики, человек около десяти. Двое схватили Боброва, несколько раз ударили ногой и прикладом. Тот обмяк. Вовка остановился и испуганно смотрел на товарища, которого волокли к землянке.

– Лезь в яму, пошёл! – «чех» сзади больно толкнул Вовку и показал в сторону лаза в землянку, которую они недавно накрыли.

Он спрыгнул. Следом за ним в землянку спустились боевики, толкая перед собой Боброва. Их усадили в дальний угол. Боевики тихо переговаривались между собой. Шум колонны был уже слышан отчетливой. Чувствовалось, как дрожит земля. Бобров шмыгал носом. У него, вероятно, текла кровь. Колонна остановилась и были слышны отдельные выкрики солдат.

В тёмной землянке раздались лязги затворов. Кто-то произнес: «Аллах акбар». Голоса повторили. Тонков напрягся. Понял, если что, они сдаваться не будут. Он вслушивался в крики, пытаясь распознать чей—нибудь знакомый голос.

– Проверь справа! – приказал кто—то наверху. Достаточно было громко крикнуть и голос бы услышали. Сердце стучало в мозг. Но было и слышно напряженное сопение боевиков, готовых в любую минуту открыть огонь. Они, как будто тоже подумали об этом и закрыли руками рты Вовке и Боброву. Тонкову показалось, что и крикнуть бы он толком не смог. Горло пересохло, а язык присох к нёбу. Разве что прохрипел бы, но крика бы не вышло. Звуки моторов и голоса удалялись. Какое-то время сидели тихо. Потом один из чеченцев что—то буркнул и осторожно вылез из ямы. Прошло ещё некоторое время. Раздался возглас, по-чеченски. Боевики зашевелились стали вылезать один за другим. Вовка с Бобровым остались сидеть в землянке. Прошло минут десять.

– Пошли, посмотрим, что там, – Бобров не спеша подошел к лазу, глядя вверх.

Он не успел договорить, как в землянку спрыгнули несколько «чехов» и стали беспорядочно бить их. Вовка закрывался руками. Их выволокли наверх и потащили к сараю. Из всего, что Тонков мог разобрать, он понял слова «Ахмет» и часто повторяемое – «айна».

«Айна, что такое „айна“?» – думал Вовка. Ему было не понятно, откуда у боевиков такая агрессия, ведь они сидели тихо, без провокаций. Что случилось и почему они так обозлились, Вовка не понимал.

Их затащили в сарай и привязали одного к другому.

– Если бы ты сопли не жевал, уже у своих были бы, – злился Бобров, когда их оставили одних.

– Не успели бы... – пытался оправдаться Тонков.

– Да, ладно... теперь сиди, наслаждайся, идиот. Ммм, – стонал Бобров от злости.

– Чего они взбесились?

– Наши, по ходу, девчонку ихнюю... того, – Бобёр дёрнул головой.

– Да брось ты... она же совсем пацанка.

- А чего они тогда так?! Сейчас бы мне автомат, я бы их всех уложил, и девку эту...
- Её—то за что?
- Да все они..., – Бобров не договорил, только стиснул зубы.

Утром Вовка вздрогнул от того, что стукнула дверь, проснулся. Зашевелился и Бобров. Болели и пекли ссадины на лице. В сарай зашли несколько боевиков и вытащили их в связке на улицу. Они сидели на земле, прижавшись спинами друг к другу. Вокруг стояли боевики. Вовка поднял голову и увидел Ахмета. Он стоял и глубоко вдыхал раздутыми ноздрями воздух, пожирая того глазами. Тонков испугался. В следующую секунду Ахмет схватил его за волосы и задрал ему голову. Вовка набрал воздух, словно это был его последний вздох. Затылком почувствовал затылок Боброва и тепло от его спины. Ахмет вытащил нож. Вовка весь сжался, закрыл глаза, поняв, что он их уже не откроет никогда. Всё тело свела судорога. Мысли, воспоминания, обрывки фраз, мелькание лиц, запахи детства, глухонемые жесты матери, теплое молоко, запах машинного масла – всё перемешалось и прокатилось, превратилось в точку, со звоном, будто ударили по камертону. Тон—н—н—н—н... Звук словно завис над ним.

«Ахмет!» – прозвучало сухо, как выстрел. Дальше были ещё какие-то слова, но их Вовка не понимал, только опять услышал: «Айна». Говорил седобородый. Рука, сжимавшая волосы, неспеша ослабила хватку и отпустила Вовкин чуб. Он открыл глаза и увидел, летящий ему в лицо ботинок. Он больно ударился об затылок Боброва и сознание стало растекаться.

Очнулся уже он в сарае один. Куда делся Бобров, он не понял. За длительное время, пока был связан, смог первый раз дотронуться до своего затылка и лица, которые ныли и болели. Распухший нос, с запекшейся кровью, еле пропускал воздух. Он подумал о Боброве.

Каждый день Вовка надеялся, что откроется дверь сарая и в него войдет или внесут Боброва, пусть избитого, но живого. Дни проходили, а Бобров так и не появился. Чтобы не сойти с ума, Вовка работал до изнеможения, потом падал и крепко спал. Так прошла неделя, затем другая.

Айна

Ахмет со своим войском появлялся всё реже. Седобородого мужика, которого Вовка называл «Хсамда», как его называли боевики, звали Исмаил. Только потом он понял, что это обращение к хозяину. На вид ему было лет шестьдесят пять, немного хромал, но спину всегда держал прямо и в любую погоду ходил в папахе. Вовке казалось, что в ней он и спал.

Айна – так звали ту девочку, которую видел Вовка во дворе. Из дома она выходила редко, но когда появлялась, Вовка останавливался, смотрел на неё, а она, наоборот, пыталась прошмыгнуть незамеченной, прятала взгляд и скрывалась в доме.

Ближе к июлю, Вовка возился во дворе, укладывая дрова под навес, когда услышал звук приближающейся машины. Остановился, посмотрел на Исмаила. Тот привстал со своего излюбленного места. Когда услышал чеченскую речь, успокоился и сел на место. Машина остановилась напротив. Из кузова выскочили несколько человек и стали что—то стаскивать. К Исмаилу подошёл один из «чехов», которого Тонков видел раньше. Он всегда появлялся вместе с Ахметом, словно его тень. Звали его Иса. Наклонившись и коснувшись рукой плеча Исмаила, с почтением и трагическим видом что—то ему говорил. Исмаил встал, выпрямился и, торжественно посмотрел на машину. Из кузова вытащили тело Ахмета. Вовка сразу его узнал по необычным камуфляжным штанам каких—то иностранных войск. Тело положили на скамейку. Из дома выскочила женщина и начала в голос рыдать и причитать. Вместе с ней вышла и Айна. Закрывши руками лицо, она вздрагивала всем телом, но голоса её было не слышно. Боевики стояли, понуро опустив головы.

Исмаил посмотрел на Вовку и махнул рукой, что бы тот скрылся. Тонков побрел в свой сарай. Тело Ахмета унесли в дом. Через какое—то время к дому стали подходить односельчане. От непрерывного воя и плача, как женщин, так и мужчин, у Вовки переворачивалось всё внутри. Он не понимал, как суровые на вид мужчины рыдали, как дети – безутешно, навзрыд, не пряча и не стесняясь своих слёз. Он закрывал уши ладонями, но было тщетно. Звук немного заглушался, но особенно высокий тон голоса одной из женщин, будто крючком цеплял за кишки и пытался вывернуть их наизнанку.

Через какое—то время плач усилился. Вовка выглянул в окошко и увидел, что из дома люди вышли на улицу и вынесли на носилках, устланные ковром, тело Ахмета и накрытое чёрной буркой. Тело пронесли в центр двора и положили на землю. Его обступили вокруг плотной толпой. Затем, один за другим начали произносить речи. О чём они говорили, Вовка мог только догадываться. Вероятно, говорили о том, каким Ахмет был замечательным человеком, любящим сыном и храбрым воином и защитником. А Вовка злорадствовал. Смеялся и ликовал в душе, и жалел, что Саня Бобров так и не дождался этого момента. Когда все речи были сказаны, тело подняли и понесли со двора. Похоронная процессия состояла из одних мужчин. Женщины, дойдя до ворот, остановились и продолжали сопровождать тело только своим плачем.

Когда Вовка заметил Айну, ликование постепенно утихло. Он с жадностью всматривался в её красивое и скорбное лицо и сам того не желая, ему почему—то стало жалко её. Не Ахмета – её. Он даже смог себя убедить, что её скорбь вовсе не связана с Ахметом, а возникла сама по себе. Вовка так пристально смотрел на неё, что каким—то чудесным образом это почувствовала и Айна. Она обернулась и посмотрела на окно сарая, а Вовка, с перепугу быть обнаруженным, шарахнулся в сторону.

К вечеру двор наполнился людьми, запахами костра и пищи, вызывающие у него голодные спазмы. Вдруг, дверь сарая тихонько скрипнула и в неё просунулась тоненькая ручка. Она поставила миску и исчезла. Вовка открыл дверь и увидел Айну.

– Айна! Спасибо! – чуть слышно крикнул Вовка, но девушка не обернулась, – Айна! – крикнул он сильнее, но она опять не отреагировала. Он посмотрел под ноги. В миске дымился огромный кусок мяса, наполовину покрытый бульоном. Он с жадностью накинулся на этот неожиданный ужин, обжигаясь, отрывая куски и почти не жуя, проглатывал их целиком. Вдруг откуда—то в голову прилетела неожиданная и страшная мысль: «А что если это мясо самого Ахмета?» Кусок застрял в горле и в следующую секунду Вовку вырвало. Он кинул миску на землю и с ужасом вглядывался в её содержимое. Из памяти вылезли детские дворовые рассказы о сладкой человечине и он наяву почувствовал сладковатый привкус. Его передёрнуло и бросило в пот, сопровождая рвотными позывами. Но голод вскоре поборол страх. Он долго смотрел на мясо, отгоняя глупые домыслы, что это может быть Ахмет, а потом и вовсе вспомнил о племенах канибалов, которые с большим аппетитом ели своих врагов, забирая их силу, храбрость и те качества, которых им недоставало. Вовка, в конце концов, доел мясо, убеждая себя, что от этого он станет сильным и храбрым, как Ахмет.

Ахмета поминали три дня и три дня Айна приносила еду. Он снова попытался с ней заговорить, но она не реагировала, словно ничего не слышала. Вовка решил, что она, во—первых ничего не понимает по—русски, а во—вторых, его статус не предполагает общение с хозяйской дочкой. О тамошних нравах он был наслышан. Спасибо и за то, что приносит еду.

После смерти Ахмета чувствовалось, что присутствие «пленника» как—то тяготит Исмаила. Не было такой работы, которую было бы невозможно выполнить без него. Но и отпускать, вроде как, было нельзя. Вовка чувствовал это, но сам инициативы не проявлял. Не потому что привык, а держало что—то, надежда какая—то, призрачная и глупая, что возможно подружится с Айной. Красивая она была. Вовка таких в Липовцах и не видел никогда. Да и страшновато было самому. Не хотелось попасть ни к своим, ни тем более к друзьям Ахмета. Тут хоть какая защита.

Однажды к Исмаилу пришёл Иса, притащил что—то из провизии, в знак уважения и в память об Ахмете. Говорили о Вовке. Он понял, что о нём говорят. Иса всё в его сторону поглядывал. Разговор был, видно, для Исмаила неприятным. Говорил резко, нервно. А когда Иса уходил, провёл большим пальцем по горлу, мол, зарезал бы, если бы не Исмаил. Вот и иди куда после этого.

Через неделю после похорон, Вовка почувствовал некоторое облегчение. Тревога от висящей над ним неизвестности постепенно уступила место простым будням. Его не запирали, да и быт стал не таким скотским, каким был раньше. У него появился топчан с матрацем и одеялом. Работу искал сам, не отлёживался. А когда узнал, что в одном сарае стоит «Москвич», глаза загорелись. Исмаил не возражал.

Это стало новой страницей его пленной жизни. Хоть инструмента и не хватало, да и тот дышал на ладан, Вовка находился, словно в наркотическом угаре. Каждая сбитая ссадина придавала ещё большее вдохновение. Он перебрал до болтика двигатель, коробку, настроил карбюратор. А когда выкатил засиженный курами «Москвич» на улицу и помыл его, радости не было предела. Айна, следившая за всем превращением груды хлама в автомобиль, кода Вовка наводил последний марафет, подошла и протянула кружку с молоком.

– Спасибо, – улыбнулся Вовка. Айна кивнула и улыбнулась в ответ. Она слегка опустила голову, а глазами продолжала с любопытством смотреть на него. Впервые он видел её так близко, сред бела дня, лицом к лицу. Огромные карие глаза на белоснежном лице смотрели с какой—то лаской и нежностью. Грудь наполнилась тревогой и он почувствовал себя неловко. Что если он выглядит сейчас, как чучело? Он и раньше чувствовал, что волосы можно было заплетать в небольшие косички, а рыжая борода была уже такой, за которую можно было крепко и надёжно схватить. Но уже несколько месяцев толком не видел своего отражения. Да

и рожа, скорее всего, вся перепачканная мазутом тоже, наверное, выглядела не ахти. Он смутился, – можно было бы попробовать завести, – произнёс он, – да бензина нет.

Айна внимательно проследила за его губами, а потом зашла в сарай и постучала по самодельному металлическому баку. Вовка наточил с полведра бензина, залил в бак и долго ходил вокруг «Москвича», раздумывая, что ещё проверить. Заводить не решался. Появилась нервная дрожь, что не заведётся, а ещё и от того, что закралась шальная мысль – взять вот так, сесть с Айной и рвануть в Россию. Девушка, наблюдая за Вовкиными раздумьями, неожиданно подошла и показала, покрутив в воздухе рукой, чтобы он заводил.

– Завести? – Вовка больше спрашивал не её, а себя. Готов ли?

Айна часто закивала. Вдруг ему показалось, что она понимает его, но до сих пор не проронила ни слова.

– Ты не разговариваешь? – спросил Вовка и дополнил сказанное характерными для глухонемых жестами.

Глаза девушки вспыхнули радостью и интересом.

«Ты знаешь язык жестов?» – спросила Айна, ловко жестикулируя руками и пальцами.

Вовка вздрогнул. Не то, что бы он испугался, что она глухонемая, скорее этим она утвердила его догадки и более того – мечты. Да—да, мечты. Он и раньше замечал, что с девочкой почти не разговаривают, говорят только короткие фразы или показывают руками. Ему иногда казалось, что если бы она была глухонемой, то он бы смог с ней «поговорить», ведь вряд ли кто в округе знает этот «язык». И вот теперь призрачные грёзы превращались в реальность. Она и вправду оказалась глухонемой. В другом мире это могло и должно было бы вызвать сочувствие, но сейчас ему казалось, что её неполноценность была скорее достоинством, особым даром её и даром ему, о котором он даже не мог мечтать.

Каким же нелепым кажется этот зигзаг судьбы, когда глухонемая девочка за тысячи километров от дома становится самым желанным и долгожданным собеседником. Теперь то многое, на которое Вовка не мог получить ответы, становилось понятным. Айна оказалась племянницей Исмаила и его жены и двоюродной сестрой Ахмету. Её родители погибли раньше, в конце восьмидесятых. Она училась в спец интернате в Грозном, но с началом боевых действий в декабре девяносто четвёртого, интернат распустили и её к себе забрал Исмаил. Ей было чуть больше пятнадцати. Она тоже была ужасна рада, что Вовка понимает язык жестов и с головой кинулась «болтать», стремясь выплеснуть всю накопившуюся энергию, впечатления и чувства за время своего вынужденного «молчания». «Говорила» больше Айна, а Вовка наслаждался её грациозными и, в то же время, лаконичными и лёгкими движениями, да и не мог он продышаться никак. Грудь сдавило от волнения и накатившей радости, словно сбывалась самая заветная его мечта.

«Разговор» оборвал Исмаил. С тревогой посмотрел на Вовку, затем на Айну. Девочка опустила голову и удалилась.

– Ты понимаешь, что она показывает?

– Понимаю, – нехотя ответил Вовка, жалея, что об этом стало известно Исмаилу.

Мужчина замолчал, соображая, чем ему это грозит, да и грозит ли вообще. С недоверием посмотрел на Тонкова.

– Поди воды принеси. Бочка пустая совсем.

Вовка кивнул, потом окликнул Исмаила.

– Хсамда! Я машину починил, надо бы попробовать, как она в ходу... По двору —то не проедешь.

Исмаил задумался.

– Пробуй! – махнул он рукой через некоторое время.

У Вовки внутри сердце подскочило от радости. Он опрометью кинулся за вёдрами.

Наносив воды, Вовка вернулся к машине. «Москвич» сразу не завёлся, хоть вроде всё по нескольку раз перепроверил. Пришлось перенести «испытания» на завтра. А ночью всё мерещилась Айна, её глаза и улыбка. И фантазиями так себя раздраконил, так размечтался, что проворочался до самого утра, пока петух не прокричал.

С проблемой в машине Вовка справился быстро – бензонасос не качал. А когда «Москвич» взревел, оглашая своим забытым голосом окрестности, радости не было предела. Он убавил обороты, внимательно, без спешки, послушал двигатель, плавно опустил капот и замер в каком—то ожидании, сам не понимая ещё, что делать дальше.

Кто—то коснулся его плеча. Тонков оглянулся. Это была Айна. У Вовки перехватило дух.

«Она завелась?», – спросила девушка. Он радостно закивал и тут же, сам испугавшись собственной мысли, неожиданно заскочившей в голову, кивнул в сторону машины:

– Хочешь прокатиться? – произнёс он с замиранием, боясь, что она согласится.

К изумлению Вовки, Айна радостно захлопала в ладоши и, оббежав машину, уселась на переднем сидении. Тонков опасливо посмотрел по сторонам, не видит ли его Исмаил или его жена. Тело проняло нервной дрожью. Он нерешительно открыл дверь, до конца не веря в то, что его грёзы становятся явью и обуреваемый сомнением, не будет ли это расценено, как посягательство на побег. Но вспомнив равнодушный ответ Исмаила: «Пробуй», набрал воздуха и сел за руль.

«Москвич» плавно выехал со двора и покатился вниз по узкой каменистой дорожке, изредка подпрыгивая на больших валунах. Айна сидела с широко раскрытыми глазами, приоткрытым ртом и с любопытством наблюдала за Вовкиными движениями. Так они скатились в конец села, проехали небольшую площадь, служившую центром и выехали на асфальтированную дорогу. Здесь можно было дать «Москвичу» почувствовать себя автомобилем, а не повозкой с колёсами. Вовка надавил на педаль газа и машина, словно соскучившийся по простору и свободе жеребец, рванулась вперёд и понеслась сломя голову, рассекая хрустальный горный воздух. Айна по—ребячески высовывала руки и голову в окно, с наслаждением подставляя лицо встречному потоку. Вовка тоже выставил руку, словно это было крыло способное оторвать его от земли вместе с переполняющими грудь радостью и счастьем. Это была радость свободы, счастье быть рядом с Айной. И жизнь казалась прекрасной. Будто не было плена, Ерохина, Ахмета, войны, не нужно было возвращаться к Исмаилу, а ехать и ехать без оглядки, куда глаза глядят, вперёд и вперёд, пожирая километры дорог, питаться синью неба и изумрудной зеленью лесов, густой стеной тянувшихся вдоль дороги. Вовка взял руку Айны и заглянул ей в глаза. Торжественность и радость передалась и ей. Девушка тоже выставила в окно вторую руку и «Москвич» взмыл на их руках—крыльях ввысь безбрежного Счастья, оставив позади все горести, страдания и невзгоды. Хотелось закрыть глаза и замереть, наслаждаясь этим мгновеньем. И как приятна была рука Айны – маленькая, нежная кисть, словно крошечный беззащитный птенчик, трепещущийся в грубой Вовкиной ладони.

Через несколько минут блаженства Айна встрепенулась, показывая Вовке вдаль, где в сизой дымке вдоль дороги струилась и поблёскивала река.

«Речка, там речка», – прожестикуюлировала Айна и посмотрела на него умоляющим взглядом.

– Хочешь к реке?

Айна радостно закивала. Они съехали по каменистой грунтовке вниз. Дорога была довольно крутой и Вовка несколько озадачился, как справится с дорогой «Москвич» в обратном направлении, но отказать в такой момент...

Машина скатилась до самой реки и выехала на пологий берег, усыпанный камнями. Сверху, с дороги река казалась широкой и полноводной, а тут у самого берега иллюзия растворилась. Глубина была не больше метра, а некоторых местах её можно было перейти, не намочив трусов. Айна выскочила из машины и стремглав подбежала к воде. Она задорно зачерпы-

вала горстью воду и подбрасывала вверх. Брызги рассыпались тысячами бриллиантов, искрясь и переливаясь на солнце. Некоторые капли попадали на Айну, от чего она вздрагивала, выгибала спинку и лукаво улыбалась. Было жарко. Вовка неспеша подошёл к воде, закатал штаны до колен и, осторожно ступая на острые камни, зашёл в воду по шиколотки. Вода обожгла ледяным холодом. Он вскрикнул, съёжился, но не вышел, а прошёл немного глубже. Последняя полноценная баня, где он мылся, была в Ростове. Он постоял немного, пытаясь привыкнуть к воде, но подумав, решил выйти. Вода оказалась слишком холодной. И тут сзади он услышал всплеск и в тот же миг ледяной дождь окатил его сзади.

– А—а—а! – заорал Вовка, извиваясь и корчась от боли. Он оглянулся. Айна готовилась зачерпнуть очередную горсть воды и плеснуть в него. Он ошалел от такого коварства, но оно было настолько приятным и желанным, что не было в этот момент ничего, на что бы он смог его променять. Айна успела ещё раз плеснуть на него, прежде чем он ответил. Они стали отчаянно плескаться и никто не желал прекратить и сдаться. Плескались с азартом, пока Вовка не оступился и, потеряв равновесие, упал в воду. Подскочил он, как ошпаренный и дальнейшие брызги Айны были уже не столь чувствительны, как вначале. Он остановился, перестал сопротивляться, посмотрел на девушку. Она выпрямилась и улыбалась улыбкой победителя. Платье её было насквозь мокрым, а на руках и предплечьях сверкали капельки воды, словно утренняя роса на цветке. Она мотнула головой и тёмные мокрые волосы, рассыпавшись по плечам и спине, открыли грудь, на которой просвечивалось два тёмных пятнышка сосков. Вовка, когда заметил их, резко перевёл взгляд в сторону, но недолго поборовшись с соблазном, вскоре снова уставился на них. Айна поняла причину Вовкиного внимания, смутилась и ещё раз плеснула в него водой, улыбнулась и повернулась спиной, размахивая волосами из стороны в сторону. Вовка зажмурился, пытаясь зафиксировать в памяти её образ, а затем с диким криком и фырканьем начал обливаться водой, растирать тело и скрести ногтями свои немые жесткие космы.

Выбравшись на берег, он подошёл к машине и положил холодные ладони на капот. От него исходило приятное тепло. Он оторвал руки и оставил на капоте два мокрых отпечатка. Отпечатки на глазах, сначала съёжились, а затем исчезли вовсе. Он обернулся и помахал Айне.

– Иди сюда!

Девушка подошла и с интересом заглядывала через плечо. Вовка опять положил ладони на капот, оторвал их и опять два следа так же исчезли в несколько секунд. Айна улыбнулась и тоже положила ладонь на капот. Вовка специально намочил об штаны руку и прислонил ладонь рядом с ладонью Айны. Они оторвали одновременно и уставились на отпечатки. Отпечаток девушки испарился гораздо быстрее и Вовка с нарочитой демонстративностью, в шутку, встал в позу культуриста, показывая, что он выиграл. Айна улыбнулась. А Вовке было приятно, что она поняла его шутку.

– Давай сядем на капот, тут тепло, – показал он девушке. Она кивнула и он помог ей забраться.

Они сидели, прислонясь к лобовому стеклу, щурясь и греясь на ласковом солнце. Вовка разглядывал горы, небо, островки кустарников, словно сгрудившихся зелёных мохнатых овец, разбросанных по каменистой местности, дышал запахом её волос и чувствовал, как приятная нега разливается по всему телу. Он приподнялся, сложил ладони трубой и приставил их ко рту.

– Ай—на—а—а!!! – заорал Вовка, что было сил и стал прислушиваться, как многократное эхо повторяет имя, – Ай—на—а—а!!!

«Что ты делаешь?» – дёрнула девушка его за рукав.

Вовка улыбнулся, помотал головой, блаженно откинулся на стекло и закрыл глаза.

Айна коснулась его руки. Вовка бросил короткий, немного испуганный взгляд. Ему было неловко, что он так откровенно разглядывал Айну. Со стороны это выглядело слишком явно и непристойно, словно он подглядывал.

«Где твой дом?» – показала девушка.

«Далеко. Очень далеко», – ответил он жестами, а вслух добавил, с досадой и обречённостью, больше для себя, – так далеко, что даже не знаю смогу ли я туда снова попасть.

Айна внимательно следила за губами.

«Почему ты не убежишь? Ведь дядя Исмаил тебя не запирает?»

Вовка задумался. Он и сам не мог ответить на этот вопрос. Действительно, ждать, когда за него передадут выкуп, было бессмысленно. Таких денег матери не собрать, да и кому передавать? Ахмет убит, Исмаил сам тяготится пленником. Тогда, что держит его крепче цепей и решеток? По правде, Вовка сам боялся признаться себе, что держит его – она. Безо всякой надежды на какие-то отношения, взаимную симпатию или даже чувства, он высиживал свой случай, травил себя фантазиями. И он произошёл. Он сидит рядом с девушкой, которая приходила ему во снах, о которой грезил вечерами, сейчас говорит с ней и если захочет, может даже поцеловать. Вовка поднял глаза и только неопределённо пожал плечами, всем видом показывая, что причина – то как раз именно в ней.

«У тебя есть девушка... дома?» – спросила Айна. Вовка не ожидал этого вопроса, опустил глаза и шарил ими по мокрым штанам, пытаясь понять с какой целью был задан вопрос. Так обычно спрашивают, когда сами хотят стать твоей девушкой. Но готов ли ты к этому? Можно долго грезить, наслаждаться мечтами, но вот сама девушка даёт конкретный и непрозрачный намёк, а ты испуганно ищешь причину спрятаться от прямого предложения. Тебя пугает её инициатива, ты не знаешь, что с этим делать? Ты боишься ответственности, ты боишься взять её за руки, чтобы она переступила черту, после которой нет возврата назад?

Вовка молчал, а Айна, напротив, нетерпеливо ждала ответа. Но, скажи: «Нет» и что дальше? Ведь он здесь не в гостях, да и кто ей позволит с ним встречаться. Разве только... Вовка посмотрел на Айну, а девушка всё так же пытливо всматривалась в его глаза, словно пыталась прочитать его мысли. Он взял её крошечную руку и уставился на неё, словно решался совершить роковой прыжок.

– Ты пойдёшь со мной? – робко прошептал Вовка, сам до конца не веря в то, что он это говорит. Айна не поняла, попросила повторить. Тогда Вовка выпрямился и решительно прожестикнул. Айна отвела взгляд и задумалась. Было видно, что она не была готова к этому вопросу. Теперь они поменялись местами. Вовка с нетерпением смотрел на девушку, а Айна кусала губы и опустила голову, скрыв лицо волосами.

– Айна! – он схватил её за плечи, почувствовав прилив решительности, которой ему вечно не хватало, которой завидовал у других и, за отсутствие которой, ненавидел себя, – Давай вместе убежим?!

Вдруг, казалось ранее, дикая идея так легко овладела им и была настолько естественной и очевидной, что он через секунду уже не мог даже представить другого ответа, кроме как согласиться. Девушка нерешительно покачала головой.

– Что ты тут забыла?! Тебя тут никто не понимает! Есть другая жизнь! Не с курами и козами! Идешь?!

Айна соскочила с капота, посмотрела на Вовку, будто определяла, насколько ему можно доверять и насколько он готов сам.

«Мы же не можем уехать просто так? У нас нет денег, еды. Нас могут поймать, – с темпераментом показала Айна, – Давай всё подготовим»

Вовка обхватил голову руками, зажмурился и сидел так, прислушиваясь, как его мысли повторяют всё, что только что показала Айна. Она согласна. Это главное, что он должен знать. В голове роились планы, что нужно взять в первую очередь, как раздобыть деньги. Он понимал, что всё это придётся красть, как и саму Айну. Но все эти трудности и моральные терзания – ничто в сравнении с тем, что она согласна. Он соскочил с капота, показал Айне, чтобы она садилась, а сам взял ручку и завёл мотор. «Москвич» послушно завёлся и тронулся. Но, про-

ехав сотни четыре метров по крутому каменистому подъему, усыпанного щебёнкой и почти дотянув до дороги мотор «чихнул», потом ещё и заглох. Вовка попытался завестись снова, но «Москвич» молчал, будто подслушал разговор и решил поломать их планы.

Вовка открыл капот и с ненавистью уставился на двигатель, как на виновника его рухнувшей мечты, хотя и сам вскоре понял, что виновником был он сам, беспечно не просчитав прозорливость «Москвича» и самонадеянно, слишком далеко уехав от села. Айна участливо заглянула под капот.

– Бензин закончился, – Тонков в сердцах скомкал и бросил в двигатель тряпку.

Вдруг послышался гул машины. Ехали снизу. Вскоре из—за поворота показалась «буханка». Машина остановилась напротив и из неё вышел Иса. Внутри всё похолодело.

– А... русский? Уехать решил? Да не один? – он дал знак и из машины вышли ещё четыре человека, вооружённые автоматами. Двое из них были старыми знакомыми – украинцы, которые пинками выгоняли больного Боброва из сарая.

– Москалыку, ты шэ живой? Нэ помэр, собака!

Боевики дружно грохнули смехом. Айна, предчувствуя недоброе, подбежала к главарю и отчаянно пыталась ему что—то объяснить.

– Мурад! Отведи Айну в машину.

Она попыталась вырваться, но чеченец крепко взял её за плечи и повёл к машине. Вовка посмотрел на её испуганное лицо и изнутри кишок по телу начал распространяться страх, расплзаясь по всему телу.

– Не едет? – Иса кивнул в сторону машины.

– Бензин кончился... – еле слышно произнёс Вовка.

– Так тебе бензина дать?! – он повернулся к своим, – Дадим русскому бензина?!

– Иса! Дозволь мэни йому видлыть. Так довго чекав на цэ, – мордатый украинец, с боксёрской пробитой переносицей зловеще улыбался и разминал кулаки.

– Дай братку бензина, Сашкó!

Боевики загоготали.

– Зараз... Трымай автомат.

Рядом стоящий боевик взял автомат, а Сашкó неспеша, вразвалочку подошёл к Вовке, схватил того за волосы и с размаху сильно саданул в скулу. Вовка и не сопротивлялся, обмяк только, а в Сашкó словно бес вселился, он с лютой ненавистью накинудся на Вовку, бил руками, ногами, рвал, раздирал, разве что не грыз его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.